

Текст в становлении: оппозиция «нарратив – ментатив»

И.В. Кузнецов, Н.В. Максимова
НОВОСИБИРСК

1. В современных филологических исследованиях все более насущной становится проблема неразработанности типологии текстов. Эта проблема обнаруживается в том, что множатся классификации речевых действий, типов текста, стилевых и жанровых форм, речеповеденческих актов, интенций, стратегий, дискурсивных практик etc. Многообразие подобных классификаций таково, что они с необходимостью нуждаются в соотнесении.

Однако не найдены сами основания для такого соотнесения. Настоящая статья представляет собой опыт разработки одного из важнейших оснований для понимания наиболее значимых – с точки зрения истории становления текста и его коммуникативной природы – процессов текстообразования. Критерии значимости этих процессов мы связываем, во-первых, с ретро- и проспективной динамикой текстообразования, а именно: с возможностью реконструирования и прогнозирования базовых и периферийных текстовых процессов и форм существования текста. Во-вторых, наиболее значимыми для нас являются процессы, характеризующиеся коммуникативной природой и отражающие становление текста в единстве коммуникативной рамки «адресант – адресат (автор – читатель)». Поиск оснований текстовой типологии в таком случае должен опираться на анализ синхронно-диахронных процессов становления текста, связанных со становлением коммуникативно-ценностных ориентиров и приоритетов.

В первой части статьи рассматривается теоретическое противопоставление нарратива и ментатива как оппозиции, способной выступать основанием типологизации текстов и стоящих за ними дискурсивных практик. Во второй части раскрывается коммуникативная природа и историческая динамика этой оппозиции.

1.1. В контексте поставленной проблемы уместны два предварительных замечания. Первое замечание касается характера описания истории русского литературного языка, которому традиционно свойствен «отсчет от нарратива». Более внимательное изучение основных линий текстовой эволюции и в целом

внимание к историческим процессам текстообразования может значительно скорректировать представление о нарративной доминанте и в целом о базовых явлениях в истории русской словесности. Второе замечание касается вопроса об «исторической стилистике». Плодотворная идея М.Н. Кожинной о ее изучении до сих пор реализовывалась во многом финалистически: каждый из сложившихся в современном русском языке стилей рассматривался с точки зрения его предшествующих этапов (по принципу исторического «отматывания назад»). Однако подход к явлениям языка с точки зрения функциональных стилей остается ограниченным, в том числе и во временном плане, так как стили сформировались в относительно поздний период. Более широкая ретроспектива, восходящая к стиливому синкретизму, позволяет увидеть эволюцию типов текста в качестве более крупной рамки для понимания процессов текстообразования.

Осмысление таких процессов, которые имеют диахроническую укорененность, формируют ядро текстовой эволюции и определяют направление современного текстообразования, образует определенный исследовательский путь. На этом пути складываются представления о модели развития текста, об основных, наиболее общих законах этого развития, о принципах построения текстовой типологии. В данной статье речь идет о взаимодействии нарратива и ментатива – определяющем процессе в становлении текста.

1.2. Нарратив и ментатив представляют собой две основные разновидности современных текстов. Первый представлен, прежде всего, художественными прозаическими текстами; второй – научными, философскими текстами, а также многими текстовыми моделями публицистики, эпистолярных, дневниковых записей. Изучение нарратива имеет достаточно глубокие традиции, базой которых являются филологические исследования художественной литературы. Если лингвистическое понимание в качестве «глобальной функциональной характеристики нарративного текста» определяет «его повествовательную форму» (Падучева 1999: 279), то литературоведческая трактовка нарратива подчеркивает принципиальную двусоотнесенность признаков нарратива и недостаточность его понимания только как повествовательной формы. Приведем цитату из книги «Нарратология как аналитика повествовательного дискурса»: «Предмет нарратологического познания может включать в себя любые – не только художественные и даже не только вербальные – знаковые комплексы, манифестирующие неслиянность и нераздельность двух событий: референтного (некоторая история, или фабула) и коммуникативного (дискурс по поводу этой истории). В этом смысле нарративными могут быть не только роман (с его вымышленной, «фикциональной» квазисобытийностью) или сочинение историка, где референтный ряд событий фактографичен. Нарративными могут предстать и скульптура (в классическом случае Лаокоона), и даже музыка (оперная или балетная). Ибо нарратив не есть само повествование (то есть композиционная форма текста, отличная от описаний, рассуждений или диалоговых реплик); он являет собой **текстопорождающую конфигурацию двух рядов событийности: референтного и коммуникативного**» (Тюпа 2001: 7). Как видим, для данного определения важно введение второго, коммуникативного, признака нарратива, который, с одной стороны, позволяет отличать нар-

ратив от архаичных форм, близких к повествовательным, например от мифа¹, а с другой стороны, позволяет исследовать более поздние нарративные формы, где событие рассказывания приобретает значительно больший, по сравнению с классическими текстами, вес, нередко выходя на первый план – например, в модернистском тексте. Предлагаемое понимание основывается на известной идее М.М. Бахтина о взаимодействии в прозаическом художественном тексте двух событий – события рассказа и события рассказывания.²

Ментатив изучен меньше, его исследованию посвящены главным образом лингвистические работы. Различные стороны ментатива представлены лингвистической традицией в понятиях: собственно-логический тип субстрата текстовых форм (О.И. Москальская), рассуждение как тип текста (О.А. Нечаева), сентенционный тип речи (С.Г. Ильенко), ментальный модус (Н.К. Рябцева), генеритивный регистр (тип) речи (Г.А. Золотова) и немн. др.

Обоснование диады нарратива и ментатива можно видеть в общефилософском различении двух атрибутов субстанции – протяженности и мышления. Эти философские представления изложены, в частности, у Р. Декарта, Б. Спинозы (*Философский энциклопедический... 1983: 42-43; 143; 647-649 и др.*). Соответственно, в нарративе доминирует референция к «протяженности» хронотопа, а в ментативе – референция к мышлению как таковому и его речевой форме.

В методологическом плане значима также оппозиция событийного – процессуального. Понимаемая на основе взаимодополнительности, «событийно-процессуальной двойственности» (*Тюпа 2004*), она важна как понятийная фиксация двух возможных интерпретаций бытия. Необходимо оговорить, что понятие «событие» имеет как минимум две различные исследовательские традиции употребления. Во-первых, понятие событийности может использоваться в смысле «случайности, непредсказуемости, казусности», как оно употребляется в исторической науке Нового времени. Во-вторых, понятие событийности в рамках теории коммуникативного события актуализирует иные смыслы – «встречи двух и более сознаний», «напряженного взаимодействия текста – автора – читателя» (*Тюпа, 1998 и мн. др. работы этого автора*). Две эти трактовки необходимо различать, поскольку они, принадлежа разным научным контекстам, могут задавать разный угол зрения на одни и те же предметы.

Именно так обстоит дело с категориями нарратива и ментатива. Событийность как казусность, непредсказуемость лежит в основе спецификации нарратива (отсюда идея «нарративизации истории» Х. Уайта) и создает основу для противопоставления его ментативу, который можно видеть как проявление

¹ Как отмечают исследователи, миф-наррация принципиально невозможен, поскольку функция мифа связана не с изображением действительности, а с самим установлением действительности, не опосредованным в своей форме каким-либо коммуникативным действием (*Фрейденберг 1978: 227-234*).

² Соотношение референтной и коммуникативной составляющих обладает исторической динамикой, особенно заметной с конца XIX столетия. В современных текстах коммуникативная составляющая приобретает все большую значимость.

процессуальности. Однако с точки зрения «коммуникативной событийности» можно утверждать, что событие имеет место и в нарративе, и в ментативе.

Более того, в ментативе имеет место и двусобытийность. Лингвистические исследования последних лет, посвященные изучению научного типа текста, обнаруживают в нем двусобытийность, идентичную нарратологической (событие рассказа / событие рассказывания). Референтная и коммуникативная составляющие ментатива, как и нарратива, тоже взаимодействуют в динамической прогрессии: коммуникативная составляющая нарастает в современных текстах-ментативах с не меньшей динамикой, чем в нарративах. Доказательством этого являются исследования, раскрывающие такие неотъемлемые признаки современного научного текста, как его диалогичность, наличие системы метатекстовых компонентов, компонентов-рефлексивов и под. Так, В.А. Шаймиев – автор монографических исследований, посвященных метаконструкциям текста научного произведения – обосновывает положение о дискурсивности и метадискурсивности научного текста как свойствах «отражать и изображать процесс творения текста автором и факт восприятия его читателем». Исследователь подчеркивает, что названные прагматико-дискурсивные процессы обуславливают формальные и содержательные особенности научного текста в целом (Шаймиев 2001). Таким образом, коммуникативная составляющая («событие рассказывания») характеризует как нарратив, так и ментатив.

Понятие коммуникативного события, применимое и к нарративу, и к ментативу, в то же время позволяет и различать их событийную природу. В контексте этого различия и может актуализироваться свойственная исторической науке оппозиция «событийного – процессуального». Чтобы обнаружить эту разницу, обратим внимание на референтную область пересечения нарратива и ментатива, когда единый или близкий смысл может быть представлен и в нарративе, и в ментативе. Например, Н.В. Гоголь в «Мертвых душах», задуманных как трехтомная эпопея, стремился воплотить смысловой комплекс, который в конечном итоге нашел реализацию в «Выбранных местах из переписки с друзьями».³ Этот и подобные случаи общности нарративно-ментативной референции показывают, что нарратив и ментатив можно понимать как два различных способа развертывания речемыслительного произведения, как две формы текста – различные, прежде всего, с точки зрения коммуникативной составляющей. Конечно, совпадение референтно-смысловых составляющих подобных текстов – случай частный, относящийся к периферии функционирования нарратива и ментатива. Однако именно этот случай позволяет понимать нарратив и ментатив в качестве двух текстовых способов развертывания речемыслительного произведения, имеющих и коммуникативную, и референтную специфику – каждый свою. С точки зрения такой специализации ядром являются референции нарратива, которым несвойственно или даже недопустимо выражение ментативным способом, и наоборот – референции

³ Такое явление не обязательно наблюдается в произведениях одного автора. Есть смысловые комплексы, архетипические для некоторой культуры или всего человечества. Таковы комплексы, организующиеся вокруг тем любви, смерти и под.

ментатива, характерные лишь для него и не выражаемые нарративным способом.

Таким образом, противопоставленность референций является ядерной характеристикой двух способов организации текста, но верифицируются эти способы в зоне их референтно-смыслового пересечения. При этом чем выше плотность характеристик конкретности, случайности, «несовпадения с действительностью»⁴ (и в этом смысле – событийности, противопоставленной процессуальности) в референтном поле речемыслительного произведения, тем востребованнее нарративная форма, а чем выше плотность характеристик неслучайности, объективности (и в этом смысле – процессуальности) референций, тем более востребована форма ментатива.

Собственно текстовым признаком в различении нарратива и ментатива является тип развертывания текста. Разницу этих способов организации текста составляют доминирующие переходы в текстовом движении (между высказываниями, образующими текст, и между текстовыми компонентами). Речь идет о доминирующей макросвязи, организующей развитие событийной ситуации (в смысле формирования коммуникативного события). Такое развитие осуществляется в пределах шага «высказывание – высказывание» / «микротекст – микротекст»⁵, взятого по отношению к смысловой целостности – концептуально значимому смыслу текста внутри текстовой концепции. Имеются по крайней мере два важнейших, онтологически укорененных способа организации текста.

Первый способ, нарративный, связан с моделью текстопорождения, в которой доминантными являются координаты «Кто / Что – Где – Когда»: движение текста базируется на смене одного или одновременно нескольких этих компонентов. Такая текстовая модель описывается в литературоведении на основе понятий хронотопа, сюжета, героя, композиции, точки зрения и других; в лингвистике предложения / высказывания – на основе понятий «объективной модальности» (включающей категорию реальности / ирреальности, связанную в русском языке с наклоном, категорию времени, категорию персональности), детерминации, репродуктивного и информативного регистров речи и некоторых др.; в лингвистике текста – на основе понятий пространственного и временного континуума (И.Р. Гальперин), хронологического субстрата текста, интегральной семантической структуры (ИСС) хронотопического типа⁶ и многих др.

⁴ Таковую характеристику А. Битов дает своему типу героя.

⁵ Под расхожей номинацией микротекста в данном случае понимается текстовая форма, представленная одной из строевых единиц текста и выражающая концептуально значимый смысл (*Дымарский 1999*).

⁶ «В художественном тексте инвариантная структура ССЦ значительно усложняется, но подчиняется, тем не менее, некоторым строгим закономерностям. К их числу относится, например, следующая: значение субъектных, объектных и, главное, хронотопических компонентов ИСС сохраняется – по умолчанию – неизменным на всем протяжении ССЦ. Изменение какого-либо из этих значений обязательно маркируется. В классической повествовательной традиции даже возникла особая модель хронотопической организации ССЦ, в

Второй способ связан с текстовой моделью ментатива. В ней движение текста задается иными координатами: «Что это означает – Почему это возможно – При каких условиях нечто происходит – Чем это подтверждается – Каков антитезис к данному тезису ...» В этом случае в референтной зоне складываются отношения между мыслями, между идеями (а не между хронотопически локализованными предметами в их виртуальной проекции). Такую референтную зону, научное видение которой требует дальнейшей разработки, будем называть ментальным типом референции.

Сфера и система ментативных отношений изучены несравнимо меньше, чем отношения нарративные. В последнее время круг исследований, посвященных научным, эссеистическим текстам, эпистолярным и другим эго-документам, стал заметно более широким – прежде всего, в лингвистике и риторике. В работе, посвященной тексту-ментативу, мы показали наиболее универсальные из ментативных отношений, хотя и ограниченных факторами функционирования чужой речи и ответственности текста (Максимова 2005). Общефилологическая проблематика, связанная с пониманием соответствующей области дискурсивных практик, обозначена в одной из последних статей В.И. Тюпы, где автор говорит о феномене «теоретического дискурса» (Тюпа 2006).

2. Наиболее значимые, поворотные пункты в истории письменной культуры, истории текста так или иначе связаны с модификацией отношений в паре «нарратив – ментатив» и со становлением самой этой оппозиции. Представляется, что магистральная линия текстообразования, а также развитие типов текста (а затем и представлений о его типологии) имеют непосредственное отношение к этому взаимодействию. Более того, названное взаимодействие не только формирует магистральную линию текстообразования, но и связывается происхождением с наиболее общими культурогенными закономерностями, задающими логику эволюции словесности.

Так, при описании становления русской словесности как макродискурса нами была выявлена закономерность чередования трех культурогенных импульсов, каждый из которых приводит к доминированию одной из трех виртуальных инстанций дискурса – его метасубъекта, метапредмета и метаадресата (Кузнецов 2006а). Импульс, актуализирующий инстанцию метапредмета, назван нами импульсом «разработки»⁷. Особенность этого импульса такова, что под его действием расширяется предметная сфера дискурса: в нее втягиваются новые тематизмы. В средние века это темы, которые связаны с эмпирической действительностью – помимо традиционных религиозных. Тематизмы, связанные с эмпирической действительностью, актуализировали хронотопическую референцию – что привело к культурному доминированию повествовательных текстов, которые вскоре обнаружили тенденцию к нарративизации. Импульс «разработки» в нововременной литературе актуализировал ментальную референцию. Таким образом, исторически сложившееся культурное до-

основе которой лежит оппозиция *прежде vs. теперь* <...>» (Дымарский 1999: 118-119).

⁷ Ранее в указанной статье мы называли этот импульс «импульсом референциальности (предметности)».

минирование нарративного типа текста дополняется интенсивным развитием ментатива.

2.1. Реконструируем динамику становления оппозиции «нарратив – ментатив» на материале русской словесности.

2.1.1. Если обратиться к самым истокам русских текстов, к первым их оригинальным образцам, то в них повествовательные и прото-ментативные компоненты функционируют в единстве, синкретично. Синкретичность здесь понимается как интенциональная неразделенность ментальных и повествовательных компонентов на уровне архитектурного целого. Так, в «Слове о Законе и Благодати», с которого традиционно ведется отсчет русской литературы, это единство предстает со всей очевидностью. Разные фрагменты памятника состоят из чередования компонентов повествования и авторских медитаций, которые и есть не что иное, как проявления зарождающейся ментальной референции (прото-ментативы). Таков, например, традиционно цитируемый в исследованиях автокомментарий слагателя Слова: «Если поминать в сем писании и пророческие проповедания о Христе, и апостольские учения о будущем веке, то излишне есть и к тщеславию близко... Не к несведущим ведь пишем, а к преизлиха насытившимся сладостью книжной; не к врагам Божиим иноверным, но к самим сынам его; не к посторонним, но к наследникам Небесного царства». Заметим, что это не ментативные компоненты внутри сюжетной последовательности, или же, напротив, повествовательные компоненты внутри текста-рассуждения. Здесь нет выраженного доминирования хронотопической или ментальной референции и соответствующей текстовой формы (*Кузнецов 2006б*).

2.1.2. Синкретизмом ментальной и хронотопической референций характеризуется ранний этап становления русского текста. Временем спецификации повествования как текстообразующей доминанты можно считать XV – начало XVI вв. Причиной этого стало возникновение беллетристики – сюжетного повествования, основанного на вымысле. «Важнейшей особенностью памятников беллетристики... является их сюжетность», – писал Я.С. Лурье (*Лурье 1970: 12*). Формирование беллетристики было связано с текстовым обособлением повествовательных фрагментов от летописи и относительно автономным их бытованием в составе различных сборников (с XIV в.); а также с функциональной эмансипацией их от религиозно-дидактических задач. В ранней беллетристике произошла концентрация прото-нарративного начала.

С противоположной стороны, ментальная референция стала стягиваться к жанровым образованиям, позже получившим обобщенное имя «публицистики». Временем ее зарождения и оформления является начало XVI века (*Будовниц 1947*). «Просветитель» – идеологический трактат Иосифа Волоцкого, направленный против еретиков и написанный в защиту монастырского землевладения, вызвал «Ответ кирилловских старцев», возглавляемых Нилом Сорским и отстаивавших прямо противоположные позиции по тем же вопросам. Таким образом произошло и в дальнейшем получило развитие дискурсивное оформление оппозиции двух точек зрения. Дальнейшее формирование социокультурного пространства, допускающего и поддерживающего в ценностном отношении наличие разных точек зрения и публичное обсуждение их оснований, создавало условия для позднейшего развития текстовой культуры диалога

как основы текста-ментатива. Становление текстовой категории диалогичности (в перспективе – оформление текстовых моделей отношений «свое – чужое») – ядро процессов спецификации этого типа текста.

Последний тезис требует комментария с точки зрения соотношения диалога (диалогичности) в нарративе и ментативе. М.М. Бахтин показал, как диалог разных точек зрения в полифоническом романе формируется на нарративной основе. Известны и лингвистические исследования, раскрывающие диалогичность текстов-ментативов, формирующуюся, например, в научной прозе (Л. Славгородская, М. Кожина и др.). Диалогичность как текстовая универсалия получает различное воплощение в зависимости от характера текста: нарратив и ментатив становятся двумя способами ее реализации.

Одно из проявлений специфики диалогичности в нарративе и ментативе связано с характером функционирования чужой речи (ЧР) (Максимова 2004). В работе «Проблемы текстообразования и художественный текст» выделены строевые единицы текста, две из которых, а именно ССЦ и СВ-1 (свободное высказывание первого типа) – рассматриваются в качестве регулярных (Дымарский 1999: 93-122). С точки зрения соотношенности с ЧР, текстовая единица СВ-1 устанавливает стабильные отношения с КПр (Там же: 119-120), а ССЦ формирует специальную модель ССЦ с ЧР. Реализации двух данных регулярных единиц – СВ-1 с КПр и ССЦ с ЧР – имеют различную закрепленность в нарративе и ментативе. СВ-1, представленное КПр, характерно прежде всего для повествовательной формы. (Реализация данной текстовой единицы может появляться на периферии ментатива, например, в жанре «записок / записей»). Такие построения встречаются у Л.Я. Гинзбург в книге «Человек за письменным столом», у С. Довлатова в «Записных книжках»: *Пастернак, говорят, сказал: «Я купил Пруста, но не решаюсь его раскрыть».* (Л.Я. Гинзбург. *Человек за письменным столом. Записи*) Вообще же для ядра текстов-ментативов характерно то, что введением ЧР текстовая форма не исчерпывается. ЧР не просто вводится, а вступает в развернутые отношения со «своим»: типичным оказывается построение отношения к введенной ЧР и формирование на этой основе той или иной модели ССЦ с ЧР. (Подр. см.: Максимова 2005). Таким образом, текстовые модели ЧР различно соотношены в ментативе и нарративе с двумя регулярными текстовыми единицами: ССЦ с инициальным чужим (где текстовые формы служат реализации отношений свое / чужое, а полная их реализация исчерпывает саму текстовую форму) соотносится со стратегиями ментатива, а СВ-1, представленное КПр, – со стратегиями нарратива.

Сделанный комментарий позволяет сформулировать тезис. Если для ментатива диалогичность – это конститутивный принцип, то в нарративе это сравнительно позднее явление, в русской словесности возникающее в XIX веке. Появление диалогичности в нарративе связано с концом эпохи рефлексивного традиционализма, приходящимся на конец XVIII столетия. Устранение монологической императивности в картине мира привело к полифонизации текстовой фактуры.

2.1.3. Кризис культурной парадигмы, который обыкновенно связывают с преобразованиями петровской эпохи, повлиял на оформлявшееся соотношение прото-нарративных и ментативных жанров. Так, «ментативная» линия древ-

нерусских текстов, проникнутая сильным религиозным и публицистическим заданием, была «уведена в подполье» этим кризисом. Начиная с XVIII в. тексты-ментативы дворянской культуры, светские по содержанию, отмечены печатью явного заимствования европейских дискурсивных правил: «немецкий» характер русской философии будет предметом критики еще и в эпоху Серебряного века. В то же время, начиная именно с XVIII в., происходит формирование корпуса научных текстов на русском языке и возникновение зачатков научного стиля (*Развитие научного стиля...1994: 58-67*). Как показано в многочисленных работах пермской функциональной школы, оформление основных тенденций развития научного стиля получило наиболее полное завершение в XX в. В целом же факты функционирования научных текстов (как ядра ментатива) свидетельствуют о некотором «запаздывании» ментатива в русской письменной культуре – не только по отношению к русскому нарративу, но и по сравнению с фактами развития ментативного начала в текстах других культур.

Нарративный же дискурс в результате смены культурной парадигмы оказался сферой преимущественного приложения художественных правил (не исключая и историческое повествование, связанное в новую эпоху прежде всего с именем Н.М. Карамзина). Стилистическая функция в нем надолго сделалась приоритетной.

2.1.4. Очередной поворот в соотношении нарратива и ментатива намечился в конце XIX века, и этот поворот был «встречным». Мы бы говорили о двух, как представляется, внутренне связанных явлениях. Во-первых, о нарастающем проникновении ментальной референции в художественные повествовательные тексты: переломным моментом в этом отношении была проза Л.Н. Толстого; во-вторых, о возрастании роли прежде культурно маргинальных жанров – таких, как частная переписка, дневники, записи. В этих, предельно «свободных» по своей референции текстах, основой текстообразовательной модели могут выступать как нарратив, так и ментатив, что зависит от авторской стратегии текстообразования: «воспоминания» и «размышления» (первое с доминантой нарратива, второе – ментатива) стали впоследствии основными типами мемуарного письма.

Такой поворот, надо думать, был культурно обусловлен предшествовавшим (начало – середина XIX века) акцентом на нарративе в русской литературе. Ж. Женетт справедливо называл повествование «особенным, маркированным родом, который определяется рядом запретов и ограничений» (*Женетт 1998: 297*). Правда, он в определении границ повествовательности не прибегал к ментальной референции, но выделял нарратив как особый, специфически «литературный» род письма.

2.1.5. В литературе и культуре XX столетия роль текстов-ментативов возросла необычайно. Появился целый ряд литераторов, которые позиционировали себя в первую очередь, а то и единственно, как эссеисты или авторы заметок и записок: таковы были В.В. Розанов, Л.Я. Гинзбург и др. Прозаики и особенно поэты второй половины века работают в жанре эссе едва ли не успешнее, чем в художественном творчестве: И. Бродский, Е. Рейн, С. Гандлевский, Л. Костюков, С. Самойленко. Кажется, становится возможно говорить о си-

туации нового синкретизма – точнее, «синкретизма»⁸. С одной стороны, его формирует эссеистика как «охудожествление» традиции ментатива. С другой стороны, к нему тяготеет так называемая проза «нон-фикшн»: «Бесконечный тупик» А. Галковского, «Трепанация черепа» С. Гандлевского и подобные тексты, в которых происходит размывание сюжетного единства художественного произведения. И в том и в другом случае хронологическая и ментальная референция конкурируют, стремясь к уравниванию. Названные явления существуют не как отдельные факты, но отражают тенденцию текстообразования на нынешнем, современном этапе.

2.2. Выше был намечен диахронный аспект одного из заметных путей, по которому шло русское текстообразование. В общетеоретическом плане подчеркнем, что вопрос о соотношении таких понятий, как коммуникативные стратегии, жанры и др., составляющих основу текстовой типологии, имеет прямое отношение к рассмотренной оппозиции. Нарратив и ментатив, как можно судить, становятся более общей рамкой по отношению к стратегиям и жанрам, соотносимым с этими областями речепроизводства, что открывает перспективу непротиворечивого согласования некоторых литературоведческих и лингвистических типологий стратегий, а также жанров.

Однако это не только путь русского текстообразования. Общая картина взаимодействия нарратива и ментатива существенным образом дополняется, если обратиться к сопоставлению разных письменных культур. Покажем это лишь на одном фрагменте развития текстовых процессов, связанном с функционированием жанра романа в письмах.

Роман в письмах на российской почве не был оригинальным жанром. Широко принятый в Европе XVIII в., он представлял собой, по сути дела, философский трактат, изложенный с использованием фиктивных персонажей и с привлечением сюжетного начала. Жанровую предысторию его составляли публикации частной переписки, ведомой с изначальной установкой на последующую публикацию и бытование в Большом времени: письма г-жи де Севинье, мадемуазель Леспинас, лорда Уолпола, лорда Честерфилда.⁹ Яркие образцы собственно романа в письмах дали произведения С. Ричардсона –

⁸ Если в начале раздела 2.1.2. речь шла о синкретизме ментальной и хронологической референций, характерном для раннего этапа становления русского текста и предшествовавшем их расхождению, то теперь имеется в виду «вторичный» синкретизм, возникающий в результате схождения разных референций и рефлексии этого схождения. Такую, функционально вторичную, синкретичность нарратива и ментатива мы обозначили как «синкретизм».

⁹ «В XVIII в. жанр эпистолярной прозы тяготел, с одной стороны, к философскому трактату, с другой – к политическому памфлету. Он предоставлял автору преимущества свободной формы, непринужденного изложения, был удобен для того, чтобы, демонстративно отграничившись от кабинетного педантизма и схоластической учености, обращаться к широкому кругу читателей одновременно с непосредственным корреспондентом – адресатом письма. Очень часто такой адресат оказывался даже более или менее условным или фиктивным» (Елистратова 1973: 316). Эти особенности эпистол сохранились и в эпистолярном романе.

«Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740) и «Кларисса Гарлоу» (1747-48). Подлинное же «акмэ» романа в письмах было достигнуто созданием «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо (1761) – произведения, вдохновившего русских писателей 1760-х годов, а чуть позже и автора «Вертера». Руссо прежде всего – философ, мыслитель; и уже из философской проблематики он пришел к беллетристике.¹⁰ Потребность в аудитории, стремление распространить свои взгляды в более широкой среде привела мыслителя к использованию средств искусства. Эпистолярный роман с его фиктивной событийностью оказался идеальным жанром обновленной философской прозы.¹¹

Поясним сказанное. Философский дискурс традиционно занимал авторитетное место в дневной культуре европейских государств. Но в XVIII столетии смена социокультурного состава читательской среды, нарушение сословных перегородок и расширение интеллектуальных запросов «третьего сословия» привело к сдвигу рецептивной установки аудитории. Сменился сам тип чтения: «интенсивное» чтение, представлявшее собой скорее пере-читывание и заучивание ограниченного корпуса текстов, воспринимаемых как сакральные, заменилось «экстенсивным», когда читатель «потребляет множество разнообразных печатных текстов, читает их быстро и жадно и подходит к ним критически» (*Шартье 2006: 31*). При этом рецептивная установка массовой европейской публики предполагала чтение не столько научных или философских, сколько занимательных сочинений – или тех, в которых по крайней мере имелаась установка на занимательность, свойственная именно художественному дискурсу. Поэтому автор-философ, моралист с выраженной креативной установкой на поучение и воспитание нравов, стремясь обрести аудиторию, строил дискурс с претензией на художественность.

Поворот от философской дискурсии к художественной в творчестве одного и того же автора стал свидетельством процесса, касавшегося сферы текстообразования и имевшего важнейшее значение для дальнейших путей ее развития. Этот поворот знаменовал собой совершившийся в дневной культуре европейских государств переход к доминированию нарративного типа текста в противоположность ментативному. До некоторого времени (до эпохи Просвещения) эти две разновидности текста были культурно изолированы друг от друга, выполняли разные функции. Ментатив функционировал в социокультурной среде элитарного типа: в дискурсе философии, богословия и науки. Нарратив был принят в значительно более широкой аудитории. В эпоху Просвещения омассовление и гомогенизация читательской среды привели к тому, что массовому европейскому читателю потребовались тексты, в которых име-

¹⁰ Проза Ж.-Ж. Руссо, впрочем, никогда не подчинялась эстетическому заданию ни как единственному, ни даже как доминирующему. «Руссо никогда не допускает существования “чисто” эстетического чтения, в котором определение референта осталось бы незавершенным или не производилось бы вовсе» (*Ман 1999: 246*).

¹¹ Ср.: «В период сентиментализма в Европе возникает целый ряд произведений, стоящих как бы на грани собственно эпистолярной прозы и беллетристики, облеченной в эпистолярную форму» (*Елистратова 1973: 322*).

ло место исследование логико-смысловых связей и отношений действительности – но при сохранении обязательной нарративной интриги.

В этом смысле креативная интенциональность философа-писателя эпохи Просвещения нашла отклик в меняющемся восприятии читательской аудитории. Эпистолярный роман оказался жанром, точно отвечавшим запросам времени. В нем реализовалось движение дискурса философской культуры от ментатива к нарративу, нарративизация ментального дискурса. Эпистолярная художественная проза – роман в письмах – при сохранении хронотопического типа референции, характерного для нарратива, по типу содержания преимущественно опирается на референцию ментальную.

М.М. Бахтин справедливо настаивал, что существенно необходимыми участниками эстетического события являются двое: автор и герой. «Когда героя вовсе нет, даже потенциального», то имеет место «познавательное событие» (Бахтин 1986: 24). Здесь, в эпистолярном романе, герой еще не вполне оформился как целое, он лишь служит средством трансляции авторских мнений. Специфика этой жанровой разновидности в том, что она, используя драматургический принцип метаречевой организации, помещает в каждую «реплику» такое количество тем и связей, как было возможно только в послании – единственном прежде в русской литературе жанре среднего стиля. При этом роман в письмах органично замещает эпистолу как среднестилевое образование и проводит импульс художественности из драматургии в прозу. Так что в жанровой системе русской литературы его место было фактически предуготовленным.

Первым в России образцом эпистолярного романа стало произведение Ф. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» (1766) – история чувств молодого человека, его странствий и крушения любви, изложенная в письмах его к своей подруге и ее родственнику Ипполиту. В тематике «Писем Эрнеста и Доравры» нашли освещение основные философские проблемы, волновавшие современников. Это размышления о превратностях судьбы; о ничтожестве сословного статуса перед лицом случайности: «Хотя природа нас почитает за законных своего настоящего благополучия наследников, однако всею природой властвующая судьба часто ее опровергает право... препоручая чужое счастье бедному, а чужую бедность счастливому». Это исследование силы любовной страсти и горечи разлуки; исследование нравов различных народностей – французов, англичан. Бытовые и психологические реалии жизни европейца, человека 1760-х составляют основное содержание романа.

Роман «Письма Эрнеста и Доравры» – третий по счету из написанных Ф. Эминым. Сопоставление разновидностей жанра, одна за другой осваиваемых Эминым в его творчестве, позволяет понять динамику художественного мышления писателя, его чувства архитектоники. Начав с авантюрного романа «Непостоянная Фортуна, или похождение Мирамонда» (1763), Эмин в том же году создал второе произведение с непростым заглавием: «Приключения Фемистокла, или Разные политические, гражданские, философические и военные его с сыном разговоры, постоянная жизнь и жестокость Фортуны, его гонящей». «Вторая часть заглавия (“разговоры”) явно подавляет первую – комментирует Л.И. Резниченко, – что вполне отражает структуру самого романа» (Резниченко 1972: 8). От приключенческого повествования Эмин переходит к

архитектонике «разговоров», позволяющей радикально усилить рефлексивный элемент, вводимый в действие уже в первом романе писателя. При этом происходит подчеркнутое усложнение субъектной организации повествования относительно его предметной сферы: персонажи – участники разговоров оформляются как носители самостоятельных оценочных позиций. И, наконец, в третьем романе писатель завершает автономизацию голосов героев – настолько, насколько позволяли тогдашние возможности литературы. «Роман “Письма Эрнеста и Доравры” явился важным этапом в истории русской прозы... Обращаясь к эпистолярной форме, Эмин включался в гушу европейского литературного движения» (Резниченко 1972: 11-12).¹² Это движение, связанное с взаимным тяготением нарративных и ментативных моделей текстообразования, нашло резонанс у Эмина, своим путем пришедшего к заимствованию эпистолярной формы.

Однако важно отметить тот факт, что роман Эмина – это произведение вторичное, созданное в результате калькирования дискурсивной модели, сложившейся в современной ему европейской литературе. Высказанное суждение обосновывается просто. Российский писатель Ф. Эмин философом не был: во всяком случае, о его произведениях в жанре философской дискурсии ничего не известно. Это значит, что он не шел путем от ментатива к нарративу – путем, на котором возник европейский эпистолярный роман. Напротив, Эмин внедрял ментативные фрагменты в речь персонажей, поднимая этим роль таких фрагментов относительно фабулы приключенческого повествования.¹³ В творчестве Эмина совершилось заимствование жанровой разновидности эпистолярного романа из европейского литературного дискурса (Рогинская 2002). Она не появилась как результат органической потребности автора в большем контакте с аудиторией или как результат действия каких-либо других собственно дис-

¹² Заметим, что дальнейшие эксперименты Ф. Эмина в области формы обозначили путь, по которому так или иначе двигались в своей индивидуальной писательской эволюции крупнейшие литераторы конца XVIII – начала XIX вв.: Карамзин, Пушкин. «С выходом в свет “Писем Эрнеста и Доравры” в 1766 поиски в области романа для Эмина не кончились. В 1767-1769 гг. появились три тома “Российской истории”. К написанию ее Эмин отнесся, по справедливому замечанию А.В. Западова, как к созданию очередного своего романа, в результате чего появился “связный беллетризованный рассказ о первых событиях русской истории”» (Резниченко 1972 : 15). Баланс беллетристики и исторического повествования найдет к концу XIX века Л. Толстой.

¹³ Возрастание роли ментативного начала в русской литературе проявилось в усилении метатекстовой составляющей и в речи автора. Так, 1760-70-е гг. – это время, когда «разъясняющие» предисловия стали общепринятым элементом композиции произведения, что связано с освобождением автора от нормативного поэтического кодекса. В классической и классицистской литературе катарсис базировался в основном на инерции восприятия. Просвещение эту инерцию нарушило. Поэтому автор должен был объяснять, комментировать свое креативное поведение, условливаться с аудиторией о «правилах игры». Именно таким способом, в частности, устроены рассматриваемое и другие произведения Ф. Эмина.

курсивных факторов, а была перенесена и использовалась как готовая данность.

Жанр романа в письмах примечателен тем, что в нем происходило включение в нарративный дискурс ментативных компонентов – новое для русской художественной литературы явление. При этом на русской почве эпистолярный роман знаменовал собой движение не от ментатива к нарративу, как в европейской литературе, а наоборот – от нарратива к ментативу.

Литература

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI в. М.–Л., 1947.
- Дымарский М. Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст. СПб., 1999.
- Елистратова А.* Эпистолярная проза романтиков // Европейский романтизм. М., 1973. С. 309 – 351.
- Женетт Ж.* Границы повествовательности // Женетт Ж. Фигуры. В 2 т. Т.1. М., 1998. С. 283 – 299.
- Кузнецов И.В.* Риторика и основания поэтики: опыт древнерусской словесности // Гуманитарная наука сегодня. М., 2006а. С. 194 – 205.
- Кузнецов И.В.* Роль сюжетных компонентов в древнерусском красноречии // Филологический журнал. 2006б. № 2(3). С. 195 – 199.
- Лурье Я.С.* Введение // Истоки русской беллетристики: возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970.
- Макимова Н.В.* «Чужая речь» в нарративе и ментативе // Слово. Словарь. Словесность. СПб., 2004. С. 71 – 77.
- Макимова Н.В.* «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М., 2005.
- Ман П. де.* Аллегории чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста. Екатеринбург, 1999.
- Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней.* – Ч. 1. // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII – XX вв. В 3-х т. Т. 1. Пермь, 1994.
- Резниченко Л.И.* Романы Ф.А. Эмина: Автореф. дис... к.ф.н. Л., 1972.
- Рогинская О.О.* Эпистолярный роман: поэтика жанра и его трансформация в русской литературе. Автореф. дис... к.ф.н. М., 2002.
- Тюпа В.И.* Компаративизм как научная стратегия гуманитарного познания // Филологические науки. 2004. № 6. С. 98 – 105.
- Тюпа В.И.* Онтология коммуникации // Дискурс. 1998. №5-6. С. 5 – 18.
- Тюпа В.И.* Теория как дискурсивная практика // Гуманитарная наука сегодня. М., 2006. С. 29 – 43.
- Философский энциклопедический словарь.* М., 1983.
- Шаймиев В.А.* Дискурсивность и метадискурсивность текста научного произведения // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб., 2001. С. 491 – 492.
- Шартье Р.* Письменная культура и общество. М., 2006.